

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ
К РЕЗУЛЬТАТАМ ВЫБОРОВ В ГОСДУМУ РФ — 2003

Андрей Алексеев
ведущий научный сотрудник Социологического института РАН

“...Результаты голосования... отражают то, что думает народ России...”.

В. Путин

Как известно, количественные результаты выборов в Государственную думу отражаются в протоколах, где указываются: абсолютное количество (число) избирателей, включенных в списки; число избирательных бюллетеней, выданных избирателям; число бюллетеней, извлеченных из избирательных урн; число действительных бюллетеней; количество голосов избирателей, поданных за каждого из кандидатов или за каждую партию (избирательный блок).

Из этих базовых цифр высчитываются производные показатели:

(а) процент явки избирателей;

(б) процент голосов, поданных за каждого кандидата, а также “против всех”;

(в) процент голосов, поданных за каждую партию (избирательный блок), а также “против всех”.

(Процент явки берется от числа избирателей, внесенных в списки; проценты голосов берутся от числа бюллетеней, признанных действительными).

Вот этими процентами, в сущности, и определяются итоги выборов, соответственно:

(а) состоялись выборы или нет (согласно закону, нижний порог явки на парламентских выборах — 25%);

(б) кто избран депутатом Госдумы от всякого данного территориального избирательного округа (согласно закону — достаточно относительного большинства голосов);

(в) какими из партий (блоков) преодолен так называемый 5-процентный барьер (в сумме голосов по всей стране) и в каких пропорциях победившие партии будут представлены в Думе.

Итоги федеральных выборов принято трактовать как волеизъявление народа, а конкретно — всех граждан, имеющих конституционное право избирать органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме (ст. 32 Конституции РФ).

Попробуем, однако, задаться вопросом, ответ на который вообще-то не прост: ЧЬЕ же все-таки это волеизъявление, иначе говоря: КОМУ оно, волеизъявление, на самом деле принадлежит? Всем ли гражданам (независимо от того, участвовали они в голосовании или нет) или — только тем, кто опустил свой бюллетень в избирательную урну?

Тут, конечно, возможен ответ: участие в выборах есть дело добровольное. Тот, кто имеет право, но почему-либо не смог или не захотел подать свой голос, тем самым предоставил другим “решать за него”. Фактически он пассивно “присоединился” к волеизъявлению тех, кто собственно голосовал. Стало быть, совокупность голосовавших “изъявила” также и его волю (отсутствие таковой?).

Так мог бы, наверное, рассуждать юрист. Но я попытаюсь ответить на поставленный вопрос в своем профессиональном качестве социолога.

Здесь стоит заметить, что практически все, кто сегодня обсуждает итоги выборов (будь то рядовые граждане, профессиональные аналитики или политическая элита), рассматривают электоральные результаты в основном прагматически: кто выиграл, а кто проиграл? Важно: **“Какой счет?”**. Как в спорте...

При этом (тоже, как в спорте) подразумевается, что “выигравший всегда прав” (если, конечно, им не нарушены правила игры или точнее — не удалось доказать, что правила были нарушены), проигравший же — “всегда не прав”.

Далее, обычно исследуют причины выигрыша одних и проигрыша других (что вроде бы соответствует известной формуле: “**Кто виноват?**”, по крайней мере для последних). И, наконец, сакраментальный вопрос: “**Что делать?**”, или — в прогностическом ключе: “**Что будет дальше?**”.

Такова модель едва ли не всех обсуждений выборных итогов: констатация фактов — объяснение — прогноз. Ну, иногда попытка извлечения практических выводов.

Но, пожалуй, во всех поствыборных анализах и комментариях есть один упорно воспроизводящийся пробел, изъян, умолчание. И в значительной мере этот пробел связан как раз с вопросом, поставленным выше: чья же все-таки воля изъявлена в результатах голосования?

Даже если признать этот вопрос схоластическим (что вообще-то не так!) уместно, тем не менее, сопоставить разные ответы на него. Один, как бы официальный, хоть и не прописанный буквально в законе, но неявно подразумеваемый ответ уже заявлен: налицо волеизъявление **всего** населения страны. Другую точку зрения изложу ниже.

Думаю, что **волеизъявление**, в строгом смысле, **принадлежит совокупности** (множеству) **тех и только тех избирателей, которые пришли на выборы**. Те же избиратели, кто на выборы не пришел, непосредственно в этом волеизъявлении вовсе не участвуют. А опосредованно они “участвуют” в нем лишь постольку, поскольку “помогли” образоваться тем электоральным результатам, которые могли бы оказаться иными, в случае если бы эти люди реализовали свое право избирателя.

Такой ответ вроде бы ближе к здравому смыслу, чем абстрактные рассуждения на тему о волеизъявлении народа. Однако здравому смыслу, в данном случае, нелегко конкурировать с привычной мифологемой.

В общественных представлениях, активно подпитываемых СМИ, происходит обычно не замечаемая подмена понятий: считается само собою разумеющимся, что пришедшая на избирательные участки граждане (именно они!) выражают “реальные симпатии” населения, “политический выбор” народа или как бы это еще ни называть. Электоральная поддержка тому или иному кандидату, той или иной партии, фактически оказанная только **голосовавшими** избирателями, отождествляется с “интересами” или “волей” всех граждан, включая тех, кто в данных выборах не участвовал.

А не участвовали в выборах в Госдуму четвертого созыва, проходивших 7 декабря с. г., как известно, в среднем по России около 44%, а в некоторых регионах (например, в Санкт-Петербурге, в Ленинградской области) — так и свыше половины избирателей.

В политическом смысле такие федеральные выборы вполне легитимны (напомню: нижний порог явки для выборов в Госдуму — 25%). Вот только неправомерно, как я считаю, истолковывать эти электоральные результаты как плод общенародного волеизъявления. Что на самом деле “думает”, “хочет” и т. д. народ, его политическое сознание — это вовсе не распределением голосов тех, кто пришел на выборы, обнаруживается.

Как же выявить структуру политических симпатий и электоральных предпочтений **всего** населения? Обычно это пытаются делать посредством социологических опросов, репрезентативных относительно той или иной генеральной совокупности (скажем, населения региона или даже всей России) и более или менее адекватно отображающих структуру, в частности, политического сознания.¹

Социологические, а также — политологические предвыборные прогнозы иногда оказываются довольно точными, иногда — ошибочными. Казалось бы, сама электоральная

¹ Здесь следует оговорить, что заказные предвыборные, рейтинговые опросы в большинстве своем к социологии отношения не имеют; но это — другая тема.

практика, результаты выборов (разумеется, когда эти результаты не сфальсифицированы!) выступает “критерием истины”. Так оно, в общем-то, и есть, но — опять же! — **только** для определенной части населения, а именно — тех граждан, которые воспользовались своим конституционным правом избирать.

Про всех остальных с уверенностью можно сказать лишь то, что они в данных выборах **не участвовали**.

Для того, чтобы полноценно судить о происходящих в обществе процессах, в том числе — о масштабах и характере электоральной поддержки, оказываемой тем или иным политическим силам, понятно, недостаточно “общих распределений”, каковыми являются количественные результаты выборов. С социологической точки зрения главный интерес представляют **социально-структурные** параметры политического сознания и поведения, и в частности — вовлеченности населения в электоральный процесс.

Тут, даже и невооруженным глазом, можно заметить определенную специфичность голосующей части электората и ее заведомую “непредставительность” относительно всей массы избирателей.

Главными социальными различиями постоянных участников выборов и тех, кто в выборах обычно не участвует, являются **поколенческие различия** и отчасти связанные с ними различия в степени **экономической активности**. Люди старших возрастов (особенно — неработающие пенсионеры), а также люди с более низкими доходами, лица, занятые в бюджетной сфере — вот кто чаще других приходит на избирательные участки в день выборов. А вот молодежь (в частности, студенты), а также люди с более высокими доходами, лица, занятые в частном секторе — чаще предпочитают выборы игнорировать. Таким образом, наиболее политически пассивной (в смысле неучастия в выборах) оказываются наиболее экономически активная часть населения. И наоборот.

Эти важные социальные факты достаточно надежно установлены в целом ряде современных социологических исследований.^{2*}

Понятно, что участники и не участники выборов различаются не только по указанным объективным социальным характеристикам, но также и по своему миропониманию, ценностным ориентациям, жизнеощущению. Так, по данным социального мониторинга Л. Кесельмана, в группе “непременных” участников выборов существенно выше, чем в среднем по городскому населению, доля не сумевших адаптироваться к новым социально-экономическим реалиям, людей с внешней атрибуцией ответственности, т.е. тех, кто полагает свое благополучие зависящим преимущественно от внешних обстоятельств (других людей, начальства и т. п.), в отличие от людей с внутренней атрибуцией, относящих ответственность за свое благосостояние или вообще за свою судьбу преимущественно к себе самим.

А вот среди игнорирующих выборы особенно велика как раз доля лиц с внутренней атрибуцией ответственности. Такие могли бы сказать, что “им это не нужно”: в своей жизни они рассчитывают главным образом на себя, в “азартные игры с государством” играть не хотят. Они сумеют устроить свою жизнь при любой власти (хоть, может быть, и предпочли бы, чтобы та поменьше им мешала).

Соответственно, существенно разнятся две категории избирателей (участвующие в выборах и не участвующие в них) также и по политическим предпочтениям. Впрочем, эти предпочтения остаются как бы “внутренним делом” тех, кто на выборы не пришел. А эти последние, напомню, составляют сплошь и рядом большинство жителей региона.

Здесь не буду дальше рассматривать социальные и социально-психологические различия указанных двух частей электората: **голосующее меньшинство** и **неголосующее большинство** (по крайней мере для мегаполисов соотношение именно такое!). Это — предмет специального исследования, которое сейчас осуществляется в нашем городе группой социоло-

² См., например, в журнале “Телескоп”: работа Л. Кесельмана и М. Мацкевич — 2002, № 3; работа М. Илле и В. Сергеева — 2003, № 5.

логов во главе с Л. Кесельманом (Социологический институт РАН), да, думаю, и не только этим исследовательским коллективом.

Не стану сейчас обсуждать и вопрос об истоках и социальных механизмах того современного феномена, который я бы определил как нарастающий политический или **гражданский абсентеизм** населения.

Цель настоящих заметок — лишь обозначить **социальную проблему** массового отказа от участия в выборах. Пожалуй, эта социальная проблема вырастает ныне также и в проблему **практически-политическую** (ввиду возрастающей неадекватности состава высшего государственного органа спектру интересов всего населения страны).

Но этим не исчерпывается наш социологический комментарий к состоявшимся выборам в Госдуму РФ четвертого созыва.

Как уже говорилось, количественные результаты выборов 7 декабря, будь то в разрезе избирательных участков, территориальных округов, целых регионов, будь то суммарные по стране, сводятся к трем группам статистик:

— (а) статистика явки на выборы; (б) статистика голосований за разных кандидатов; (в) статистика голосований по партийным спискам.

В свете всего сказанного выше, может показаться удивительным, что эти три статистики не только предьявляются Центризбиркомом и тиражируются СМИ, но и рассматриваются едва ли не всеми аналитиками, не говоря уж о рядовых гражданах, — **отдельно** друг от друга.

Что касается официальной сводки количественных результатов, форма которой задается самой выборной процедурой (см. выше) — тут, собственно, удивляться нечему. Но для социальных аналитиков, пожалуй, непрослительно: ведь их должен интересовать не только политический, но и социологический результат прошедших выборов. И для рядового гражданина (хоть голосовавшего, хоть нет) этот последний результат, думаю, тоже был бы небезынтесен.

Как ни странно, при активнейшем публичном обсуждении политических (по преимуществу!) итогов выборов в Госдуму (результаты до сих пор предварительные, но доли процентов здесь не играют роли), никто пока “не догадался” агрегировать две статистики: явка избирателей и результаты голосования по партийным спискам, — в производный (элементарно вычисляемый!) показатель **реальной электоральной поддержки** тех или иных политических сил. Таковым мог бы быть процент голосов в пользу той или иной партии от общей численности избирателей (= полного электората).

Вот таблица с этим показателем. (Рассчитано по данным, опубликованным в газете “Невское время” от 9 декабря 2003 г.).³

³ Данные округлены мною до 0,1%.

**ИТОГИ ВЫБОРОВ В ГОСДУМУ РФ ЧЕТВЕРТОГО СОЗЫВА
ПО ПАРТИЙНЫМ СПИСКАМ (декабрь 2003)**

по России

по Санкт-Петербургу

Явка избирателей, в %		ок. 56		43,8	
Доля проголосовавших, в %		от числа уча- стников вы- боров	от общей численности избирателей	от числа уча- стников вы- боров	от общей численности избирателей
Партии и блоки					
1	2	3	4	5	
<i>Единая Россия</i>	37,1	20,8	30,7	13,5	
<i>КПРФ</i>	12,7	7,1	8,5	3,7	
<i>ЛДПР</i>	11,6	6,5	7,8	3,4	
<i>блок “РОДИНА”</i>	9,1	5,1	13,7	6,0	
<i>“ЯБЛОКО”</i>	4,3	2,4	9,0	3,9	
<i>СПС</i>	4,0	2,2	9,2	4,0	
<i>Аграрная партия</i>	3,7	2,1	1,5	0,7	
<i>ПВР - РПЖ</i>	1,9	1,1	5,3	2,3	
<i>Прочие партии</i>	10,8	6,1	10,5	4,6	
<i>Против всех</i>	4,8	2,7	3,8	1,7	
Итого:	100,0	56,1	100,0	43,8	
Не участвовали в выборах			43,9		56,2
Итого:			100,0		100,0

Как видно, ранжировка “победителей” и “аутсайдеров” в колонке (3) не отличается от колонки (2) (да и не могло быть иначе, поскольку разные проценты голосов, полученных той или иной партией, умножались на постоянный коэффициент — единый в пределах данной территории процент явки). Но картина результатов минувших выборов от такой статистической операции утратила всякую неопределенность и обрела, я бы сказал, социологическую информативность.

Что же имеем на выходе нашей попытки “социологической фокусировки” картины результатов выборов?

Реальная электоральная поддержка, оказанная партии “Единая Россия” населением страны, характеризуется показателем 20,8% (а вовсе не 37,1%, как может подумать простодушный человек, увидевший эту цифру на телеэкране или на газетной полосе). А для Петербурга соответствующий показатель — 13,5% (а вовсе не 30,7%). Примерно в два раза ниже известных электоральных результатов всех остальных партий и блоков, фигурирующих в колонках (2) и (4) нашей таблицы, также и соответствующие показатели реальной электоральной поддержки, представленные в колонках (3) и (5).

Президент РФ В. Путин заявил на следующий день после выборов 7 декабря:

“Для меня абсолютно ясно, что результаты голосования отражают реальные симпатии населения, отражают то, что думает народ России, реалии нашей политической жизни. Те, кто считает себя проигравшими, должны проанализировать — по-

чему. ... Что касается победителей, то хотел бы предостеречь их от ненужной эйфории...”

То, что “абсолютно ясно” Президенту, по крайней мере, частично опровергается вышеприведенными данными, полученными путем элементарного перемножения дробей (проценты голосов и явки).

Да, “реалии нашей политической жизни” в результатах голосования 7 декабря вполне отразились. Что же касается “реальных симпатий населения”, то дело обстоит следующим образом: **каждый пятый** российский избиратель (около 21%) проголосовал за “партию власти”, а остальные проголосовали иначе (около 35%) либо воздержались от участия в выборах (около 44%).

А уж насчет отражения (в результатах голосования) того, “что думает народ России” спичрайтеры Президента и совсем маху дали (в свете всего изложенного выше).

Конечно же, как отмечает Президент, тем, “кто считает себя проигравшими” (да не только они себя таковыми считают, а и очевидный факт: будь то Союз правых сил или “Яблоко”, будь то КПРФ), следует проанализировать: **почему они проиграли?** “Победителям” же стоит не только внять предостережению Президента от “ненужной эйфории”, но, как мне кажется, и задаться вопросом: **благодаря кому они на самом деле выиграли?**

Они обязаны своей политической победой: а) в первую очередь — тем, кто за них “собственноручно” проголосовал (социально-структурные особенности голосующей части электората более или менее известны); б) во вторую очередь — той значительной (а в некоторых регионах — подавляющей) части избирателей, которая от участия в выборах уклонилась (чем бы такое “электоральное” поведение ни мотивировалось).

Оговорю, что здесь мною не обсуждаются вопросы выборной стратегии и тактики, эффекты “пиар-кампаний” отдельных партий и т. п.; речь идет исключительно о **социальной базе** электоральной поддержки, полученной “победителями”.

Тут уместно заметить, что сама по себе масса “голосующих ногами”, как можно косвенно судить, например, по достаточно надежным данным делегированного наблюдения (уличного опроса в Петербурге, проведенного во второй половине октября 2003 г., с выборкой свыше 10 тыс.) весьма дифференцирована по своим политическим ориентациям: если среди заведомых “отказников” (категорически не желающих участвовать в выборах) лишь 28,5% симпатизируют какой бы то ни было партии (в том числе “Единой России” — 6,5%), а остальные либо “против всех” — 42%, либо безразличны к партиям — 20%, либо не определились — 9,5%, то в самой многочисленной (в рамках всего электората) группе “маловероятных” участников (обычно такие тоже не голосуют!) доля симпатизирующих какой-либо партии все же достигает почти половины (48%), однако предпочтение, оказываемое “партии власти”, здесь существенно ниже, чем в группах “возможных” или “непременных” участников выборов: 16% против 25,5%.⁴

Итак, можно достаточно уверенно утверждать, что если бы на выборы пришла хотя бы часть из тех, кто в действительности этого не сделал, то, при прочих равных условиях, абсолютное количество проголосовавших, в том числе и за “Единую Россию”, увеличилось бы, однако процент поданных за “партию власти” голосов (от числа участвовавших в выборах) снизился бы.

Но не стану в этих заметках предвосхищать аналитическую работу и возможные выводы исследователя социальной проблемы вовлеченности в электоральный процесс, не говоря уж о том, что может показать дальнейшее социологическое изучение современного политического сознания населения России.

Несколько слов о сравнении разных регионов по результатам выборов. Я сегодня полагаю данными по Петербургу и по России; их и сопоставлю.

⁴ См. Галина Старовойтова — продолжение жизни. Под ред. Л. Е. Кесельмана. СПб.: Норма, 2003, с. 192. Приводимые там данные здесь округлены мною до 0,5%.

Официальный процент голосов, поданных за “Единую Россию”, для страны в целом — 37,1%, а для Петербурга — 30,7%. ⁵Разница есть, но не столь уж значительная. Теперь возьмем соответствующие проценты реальной электоральной поддержки: 20,8% (страна в целом) и 13,5% (Петербург). Как видно, поддержка, оказанная “партии власти” в городе на Неве не “чуть-чуть”, а в 1,5 с лишним раза слабее, чем в среднем по России.

Для партий же “аутсайдеров” — выясняется обратная картина. Например: официальный процент голосов, поданных за “Яблоко”, для Петербурга — 9,0%, а для страны в целом — 4,3%. Вроде бы популярность этой партии в северной столице выше, чем в среднем по России, более чем вдвое. А вот реальная электоральная поддержка “Яблоку” в Петербурге (4,0%) сильнее, чем в среднем по России (2,4%), всего в 1,6 раза.

Здесь продемонстрированы лишь некоторые эвристические возможности (информативность, “разрешающая способность”) показателя **реальной электоральной поддержки**, исчисляемого в процентах голосов, поданных за ту или иную политическую силу, от общей численности избирателей. В принципе аналогичная процедура может быть применена и для электоральных результатов кандидатов, избираемых по одномандатным округам. Соответственно — и для количественных итогов предстоящих выборов Президента России.

...Все рассчитанные мною и предьявленные здесь статистики — это некоторые социологические (а не политические!) результаты выборов в Госдуму РФ — 2003. Оговорю, что они действительны лишь при том принципиальном допущении, что в официальные данные, в частности, явки на выборы не вкрались, скажем так, неточности.

Например, на выборах губернатора Санкт-Петербурга в сентябре 2003 г. в голосовании приняли участие около 29% избирателей. А в декабре явка на федеральные выборы в нашем городе составила около 44%! Дать реалистичное объяснение столь крутому взлету показателя электоральной активности жителей Петербурга, от губернаторских выборов к думским, автор настоящих заметок затрудняется.

18 декабря 2003 г.

P.S. Только что, в “Новой газете” (2003, N 94, 15-17 декабря), обнаружил текст замечательного российского публициста **Юрия Роста** под названием “Некто или кое-кто. Устав и программа, придуманные для тех, кто продолжает жить”. Там есть такое замечание:

*“...Разумных людей, то есть наивных беспартийных [не пошедших на выборы. — А. А.], оказалось **около пятидесяти процентов от общего числа избирателей**. По данным ЦИК, неголосовавших и голосовавших “против всех” (это наши страстные товарищи) **в три раза больше** [если точно — в 2,5 раза больше. — А. А.], чем отдавших свои голоса за победителя - “Единую Россию”, не говоря об остальных...”*

Слава богу, знать, не только мною произведен этот не хитрый подсчет! А. А. 19.12.2003.

⁵ Напомним, что здесь используются данные **предварительного** подсчета голосов, опубликованные на следующий день после выборов.